

Источник: Наумов А. В. Литературный процесс 40-х гг. послевоенной отечественной истории. Смерть Сталина и хрущевская оттепель: очерки и рассказы Овечкина и Яшина, повесть Эренбурга «Оттепель» / А. Наумов // Преступный сюжет в русской литературе : монография / А. Наумов. – Москва, 2021. – С. 357–362.

Глава 11

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС 40-Х ГГ. ПОСЛЕВОЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. СМЕРТЬ СТАЛИНА И ХРУЩЕВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ: ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ ОВЕЧКИНА И ЯШИНА, ПОВЕСТЬ ЭРЕНБУРГА «ОТТЕПЕЛЬ»

Самая страшная в истории человечества война закончилась. Но для победителей — народов Советского Союза начался труднейший по всем жизненным параметрам период. В первую очередь это касалось экономики государства и материальных условий жизни советских людей. По официальным данным (Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, государственным предприятиям и учреждениям СССР, созданной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.), было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, полностью или частично уничтожено 70 000 сел и деревень, разграблено 99 876 колхозов и совхозов, 25 миллионов жителей городов и сел лишились крова; разрушено 2890 машинно-тракторных станций, 31 850 заводов и фабрик, 65 000 километров железнодорожных путей, взорвано 1135 шахт, 16 000 паровозов и 428 000 железнодорожных вагонов было приведено в негодность; посевные площади сократились на 36,8 млн га¹.

Война вызвала глубокие изменения в сознании и настроении людей. Вернувшиеся с войны победители узнали, что уровень жизни в потерпевшей поражение Германии был несравненно выше колхозного и любого иного трудового советского «счастья». В крестьянской среде ходили упорные слухи о том, что колхозы будут распущены. Интеллигенция же (в особенности творческая) надеялась на смягчение политического режима, цензуры, возможность свободы творчества от

¹ См.: История России. XX век / под ред. В. И. Меньковского, О. А. Яновского. Минск, 2005.

идеологического диктата. Власть (Сталин и партийная верхушка) все это ощущала, но единственной реакцией на такие настроения было привычное стремление «завинтить гайки», усилить и без того жесточайший, возродить (несколько ослабленные в ходе войны) репрессии и даже расширить ГУЛАГ как якобы дешевое средство восстановления разрушенной войной экономики. В назидание «несогласным» были инициированы судебные процессы, возрождавшие времена Большого террора 1930-х гг. («Ленинградское дело», «дело Еврейского антифашистского комитета», «дело авиаторов» и др.). В январе 1953 г. ТАСС сообщил об аресте «врачей-вредителей» из кремлевской больницы. В центр борьбы с возможными инакомыслящими поставлена идеология, в особенности литература и искусство. Принято разгромное постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором основными объектами критики избрали двух популярных в СССР писателей: сатирика М. М. Зощенко и поэта А. А. Ахматову, в результате чего они были исключены из литературного процесса с запрещением публикации своих произведений (1946 г.). Аналогичные постановления выносились в адрес кино, музыки и театрального искусства, в результате которых, например, были ошельмованы талантливые и уже получившие международное признание композиторы Д. Д. Шостакович, С. С. Прокофьев и др. (1948 г.).

Смерть Сталина (в марте 1953 г.) поставила его «наследников» в трудное положение. Они (в отличие от Сталина) понимали тяжелейшее материальное положение народа и невозможность одними репрессиями изменить дело к лучшему. Между ними возникла жестокая борьба за власть, в ходе которой в конце концов победил Н. С. Хрущев, главным объектом приложения своих сил выбравший сельское хозяйство и его возрождение. «Верхи» понимали, что с нищим колхозным хозяйством надо что-то делать. Близко подходили к тому, что «петлю» колхозного «рабства» стоило бы ослабить, но, как это сделать, было не совсем понятно (ну как для отмены крепостного права при Николае I). И первой, кто откликнулся на эту боль советского крестьянина, была литература.

Такой «ласточкой» в этом направлении стали очерки *В. В. Овечкина «Районные будни»* (1906–1968) и рассказ *А. Я. Яшина «Рычаги»* (1913–1968).

Очерки Овечкина были опубликованы в «Новом мире» в 1953 г., но до этого отвергнуты всеми московскими редакциями. Публикация буквально потрясла всех равнодушных к крестьянской беде людей. Новомирский критик А. Кондратович позднее вспоминал, что он, прочитав в рукописи очерки, «просто плакал, что вот нашелся человек, который заговорил о том, о чем все думают» (воронежский журнал «Подъем»). Чем же писатель «задел» читателя? В-первую очередь тем,

что, в отличие от официальной пропаганды о «счастливой колхозной жизни» (лицемерно поддержанной, например, такими же лживыми кинофильмами, как «Свадьба с приданым»), писатель сказал правду о настоящей нищете послевоенной колхозной деревни. В центре очерков — проблема необходимости решительных перемен в методах руководства колхозами. В очерке «*Борзов и Мартынов*» писатель показывает принципиальную разницу в решении этого вопроса первым (Борзов) и вторым (Мартынов) секретарями райкома партии. Для первого главное — выполнение плана колхозниками, спущенного «сверху»: в область из Москвы, в колхоз из района. «Железобетонный» план предписывал колхозам, как и что сеять, когда и что убирать. В очерках обозначилась и проблема «уравниловки» колхозного труда. Второй секретарь пытается изменить такие подходы и, разумеется, встречает ожесточенное сопротивление. Но дело заключалось не только в публикации в престижнейшем литературном журнале «Новый мир», но и в том, что она была осуществлена и в «Правде» — центральном партийном органе, после чего такие настроения переставали считаться оппозиционными, а наоборот, становились признанными Властью единственно правильными.

Рассказ А. Я. Яшина «*Рычаги*» был написан в 1955 г. и опубликован в альманахе «Литературная Москва» (сборник второй) в 1956 г. В отличие от очерков Овечкина, поддержанных «сверху», рассказ подвергся жесточайшей критике в литературных изданиях. В принципе же он был продолжением темы очерков «Районные будни». Дело в том, что, несмотря на прошедшее после опубликования первых время, и в сельском хозяйстве, и в жизни колхозной деревни ничего принципиально не изменилось. Официально все выглядело вполне благостно. В действительности та же нищета колхозной деревни и такое же бесправие сельских тружеников. Сюжет рассказа незамысловатый: это собрание партийной ячейки колхоза. Состав — пять человек: председатель колхоза, бригадир-полевод, секретарь парторганизации, колхозный кладовщик и учительница сельской школы. Тема обсуждения — бедственное состояние дел в колхозе, честное, откровенное, с учетом колхозных недостатков и путей их преодоления. В качестве главной проблемы называлось отсутствие самостоятельности колхозников, их безынициативность, привычка чувствовать себя не «хозяевами» дела, а «винтиками». Так было при обсуждении. Однако в письменной резолюции собрания было записано совсем другое: «В обстановке высокого трудового подъема по всему колхозу, как и по всей стране, разворачивается...», т. е. та же самая ложь. Заканчивается рассказ тем, что включенный после собрания электроламповый приемник «передавал материалы о подготовке к XX партийному съезду», которые со вниманием прослушали участники собрания. После этого уже по дороге

домой они продолжили разговор. «Теперь что XX съезд скажет! — то и дело повторяли они. И снова это были чистые, сердечные, прямые люди, люди, а не рычаги».

Кстати говоря, пожалуй, впервые для советской литературы в художественную ткань рассказа достаточно «робко», но все-таки вошел и преступный сюжет, столь необычный для литературного изображения колхозной деревни. Он связан с таким персонажем рассказа, как колхозный кладовщик. Прежний оказался вором, и на его место был поставлен новый — рядовой коммунист Шукин. Прежний же, избежав суда, перешел на работу в сельпо (сельхозкооперация, как чудом сохранившийся остаток, буквально «реликтовый», ленинского НЭПа). Новый кладовщик сообщил, что в сельпо сахар привозили, но как-то «втихую». Сахар был, но куда же он делся? «Куда уходит сахар, где мыло (тоже очень дефицитный товар. — А. Н.), где все?» Фронтвик-коммунист одорукий председатель колхоза Петр Кузьмич вмешался в разговор насчет «правды».

«Ну, правда — она нужна. На ней все держимся, только я, мужики, чего-то опять не понимаю. Не могу понять, что у нас в районе делается. Вот сказали — планируйте снизу, пусть колхоз решает, что ему выгодно сеять, что нет. А план не утверждают. Третий раз вернули для поправок. Видно, собрали все колхозные планы, сбалансировали и вышло — с районным планом не сходятся. А районный план дают сверху. Тут кумекать тоже нельзя, ну, и нашла коса на камень. Искры летят, а толку нет. От нашего плана опять ничего не осталось. Вот тебе и правда! Не верят нам... Был я на днях в райкоме, у самого, — продолжил Петр Кузьмич, называя так первого секретаря райкома. — Что же, говорю, вы с нами делаете? Не согласятся колхозники третий раз план изменять, обидятся. Нам лен нужен. Под лен и лучшую землю отводить следует. А опять у нас уже были опыты и с кроликами и с травопольем. Сколько людей зря извели. Хлеба не стало — государству же во вред. Дайте, говорю, хоть десять, ну двадцать гектар на первый раз, а не сто, не тысячу. Привыкнем — сами прибавим, сами будем просить больше. Давайте не сразу... “Нет, говорит, сразу. Надо, говорит, план перевыполнять. Надо активно внедрять новое“. Активно-то, говорю, активно говорю, да ведь у нас север, и народу мало, и земля она своего требует. Людей убеждать надо... А он говорит: “Вот ты и убеждай! Мы тебя раньше убеждали, когда колхозы организовывали, а сейчас ты убеждай других, проводи партийную линию. Вы, говорит, теперь наши рычаги в деревне“. Говорит, а сам руками разводит, видно, ему тоже не сладко. А гибкости в нем нет, не понимает он, чего хочет партия, боится понять».

Однако съезд (XX съезд КПСС, проходивший в феврале 1956 г.) прославился не решением колхозных проблем и вообще сельского

хозяйства, а, как известно, совсем другим — докладом Н. С. Хрущева о разоблачении культа личности Сталина и о массовых репрессиях невинных людей в 30–40-е гг. (о чем будет сказано в отдельной главе данной книги). А рассмотренные очерки Овечкина и рассказ Яшина? Их можно назвать основоположниками особого направления в послевоенной литературе 50–60-х гг. — «деревенщиков», т. е. деревенской прозы. К ним же по праву следует отнести Г. Н. Троепольского («Из записок агронома», «Новый мир», 1953) и Ф. Г. Абрамова с его «Братьями и сестрами» (1957). А чуть позже список «деревенщиков» был продолжен. Это и Е. Я. Дорош («Деревенский дневник», 1958), и А. И. Солженицын («Матренин двор», 1963), и С. П. Залыгин («На Иртыше», 1965), и В. И. Белов («Привычное дело», 1966), и Б. А. Можаяев («Живой», 1966), и В. М. Шукшин («Любавины», 1966), и В. Г. Распутин («Прощание с Матерой», 1976), и В. П. Астафьев («Царь-рыба», 1976). Разумеется, некоторые из названных, например, Солженицын, Белов, Шукшин, Распутин, Астафьев, по масштабу своего дарования и разнообразию отображаемых ими жизненных явлений не вписываются лишь в названное литературное направление, но и обойти их при этом нельзя. Они вошли туда благодаря одному-другому своему произведению, но в силу художественного мастерства (с которым последние созданы) по справедливости навсегда остаются эталоном деревенской прозы (в этой книге творчество этих писателей будет показано и как вернувших преступный сюжет в советскую литературу).

В целом послесталинские годы получили название хрущевской оттепели. Метафора эта возникла в связи с одноименной повестью И. Эренбурга «Оттепель» (по своим художественным достоинствам уже справедливо забытой, но удачно олицетворившей перемены, проявившиеся в определенном ослаблении режима сталинских времен). Было приостановлено дело врачей, ложно обвинявшихся в убийстве наиболее близких к Сталину его соратников (Жданова, Щербакова), покушении на жизнь под видом лечения известных военачальников (например, маршалов Василевского, Конева, Говорова) и связи этих врачей с иностранной разведкой. Президиум ЦК КПСС принял решение о привлечении к уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, «особо изощрявшихся в фабрикации... провокационного дела и в грубейших нарушениях советских законов». Наконец, «грянул» самый сильный «гром». Был разоблачен и арестован руководитель чекистского аппарата объединенного Министерства государственной безопасности и внутренних дел, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС Л. П. Берия, и вскоре по приговору созданного Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР тот был расстрелян.

Как впоследствии выяснилось, происшедшее случилось в результате того, что после смерти Сталина обострилась борьба за власть среди его «наследников». И Хрущеву совместно с Маленковым удалось прослыть «предтечами» возможных демократических преобразований в Советском государстве и партии, а после прочтения Хрущевым доклада на XX съезде КПСС о развенчании культа личности Сталина и попытаться «спрятать» свою принадлежность к творимым умершим вождем чудовишным беззакониям. Временное сближение Хрущева и Маленкова и распределение между ними власти (у первого — партийной, у второго — правительственной) означало и привлечение, как было уже отмечено, внимания к катастрофическому положению сельского хозяйства и буквально нищенскому уровню жизни колхозников и их едва ли не «крепостной» зависимости. Все это и оценивалось в народе как определенное послабление сталинского режима, в том числе и творческой интеллигенцией в надежде на снижение идеологической цензуры в связи с начавшимся сразу же после XX съезда партии процессом реабилитации жертв незаконных довоенных и послевоенных репрессий.